

УДК 1 (476) (091)

**ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX в.**

В. В. Старостенко

кандидат философских наук, доцент,
проректор по научной работе,
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Статья посвящена исследованию проблемы свободы совести в контексте модернизации религиозного законодательства Российской империи в начале XX в., отраженной в правовой практике и общественно-политической мысли. Особое внимание обращено на разработанный партией кадетов законопроект 1906 г. "О свободе совести", который впервые предусматривал не только равенство вероисповеданий, но и допускал право граждан на вневероисповедное состояние. Показано отражение темы свободы совести в политических программах партий и движений России. Попытка Временного правительства осуществить модернизацию законодательства в области религии в духе буржуазного демократизма рассматривается как объективно ориентированная на создание внеконфессионального правового государства.

Ключевые слова: свобода совести, религия, религиозное законодательство, вероисповедание, конфессиональная политика, политические партии, Православная церковь, религиозный вопрос, Российская империя.

Введение

В конце XIX – начале XX в. в общественном сознании и политической элите Российской империи зреет осознание необходимости модернизировать действующее религиозное законодательство.

Законодательно вопросы религиозно-политической и конфессиональной жизни, вероисповедных прав и свобод граждан Российской империи были отражены в "Своде законов", прежде всего в "Своде основных государственных законов", "Своде учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных", "Своде Законов Гражданских", "Своде уставов о предупреждении и пресечении преступлений", "Уложении о наказаниях уголовных и исправительных", "Уставе о цензуре и печати". Религиозное законодательство признавало "первенствующую" и "господствующую" роль веры "Христианской Православной Кафолической Восточного исповедания", главой церкви и "Верховным защитником" "господствующей веры" считался монарх. Православная церковь была интегрирована в систему государственной власти, но

при этом фактически была лишена самоуправления. Законодательство выделяло также "терпимые" и "нетерпимые" религии. Для "терпимых" ("инославных" и "иноверных") вероисповеданий были установлены ограничения, включая запрет на распространение своего учения среди православных. К "нетерпимым" были отнесены различные "секты", и лица, обвиненные в распространении "ересей", "раскола", в образовании враждебных православию "сект", могли подвергнуться лишению всех прав состояния и ссылке. "Совращение" в нехристианскую веру могло повлечь тюремное заключение, тогда как переход из любого вероисповедания в православие законодательно поощрялся. Ограничения по вероисповедному признаку содержались в законодательных актах по вопросам брака и семьи, для еврейско-иудейского населения империи существовала т. н. "черта оседлости" и т. д. Законодательно не допускалась вневероисповедная принадлежность граждан. Господствовавшая идеология национально-православного консерватизма была ярко выражена обер-прокурором Святейшего Синода (1880–1905) К.П. Победоносцевым: "государство безверное есть не что иное, как утопия невозможная к осуществлению, ибо безверие есть прямое отрицание государства" [1, с. 315].

По существу, в Российской империи имела место ограниченная религиозная терпимость и ограниченная свобода вероисповедания, которая в полной мере предоставлялась лишь приверженцам православной конфессии в ущерб "инославным", "иноверным" и "нетерпимым" вероисповеданиям, что не соответствовало новым потребностям общественного развития, усиливало социальные противоречия и гражданскую дезинтеграцию социума.

Основная часть

В начале XX в. государством стала проводиться более либеральная конфессиональная политика в отношении старообрядцев, штундбаптизма и ряда других религий. Так, устранение "стеснений" "инославных" и "иноверных" исповеданий предусматривалось в Указе "О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка" (12 декабря 1904 г.) [2, с. 141–142]. Юридически возможным и ненаказуемым был признан переход из православного вероисповедания в другие христианские конфессии по Указу "Об укреплении начал веротерпимости" (17 апреля 1905 г.). В нем также облегчались условия культовой деятельности для "терпимых" религий [2, с. 142–144]. Манифест "Об усовершенствовании государственного порядка" (17 октября 1905 г.) объявлял о "даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов" [2, с. 147].

Спустя год Указ императора Сенату предусматривал упрощение деятельности старообрядческих общин и более свободное исповедание веры “сектантам, отпавшим от православия”, включая сооружение молитвенных домов и устройство общин [2, с. 151–154].

Тема реформы вероисповедного законодательства России активно дебатировалась в Государственной думе. Особого внимания заслуживает инициированный партией кадетов в 1906 г. законопроект “О свободе совести”, который предусматривал равенство вероисповеданий и право граждан на вневероисповедное состояние [3].

В “Объяснительной записке” к этому проекту закона было указано на основные недостатки правового обеспечения в России религиозной свободы. “Этот великий принцип [свободы совести], – утверждают авторы законопроекта, – не нашёл себя осуществлённым в законодательных нормах и тем более в практике государственного управления”. Более того, “долгие годы Россия жила под режимом несвободы совести”. Поясняется это тем, что “право распространять свое вероучение предоставлялось одной православной церкви”, а “духовная и светская лица прочих христианских исповеданий строжайше обязаны не прикасаться к убеждениям совести, не принадлежащих к их религии”, под страхом уголовного преследования. Ещё большие ограничения, по их мнению, содержатся в специальном законодательстве об отдельных христианских и нехристианских исповеданиях, в т. ч. “раскольников и сектантов”, где имеет место “настоящее преследование”.

Авторы проекта закона особое внимание обращают на общегосударственную значимость свободы совести. По их мнению, ограничение этой свободы губительно для страны, поскольку “вызывало острую враждебность, колебало основы национального мира и наносило великий вред общегосударственной крепости и мощи”. Ссылались они и на двойственное положение самой Православной церкви: “пользующаяся внешним привилегированным положением, но сдавленная государственной опекой... только страдает от этого режима, отнимающего у неё возможность нравственного воздействия и авторитет”.

Анализируя законодательные меры, принятые правительством в религиозном вопросе в 1904–1905 гг., авторы законопроекта обратили внимание на Указ 17 апреля 1905 г. Он, в их оценке, не только “не дошёл в утверждении принципа религиозной терпимости до конца”, поскольку не разрешил неправославным исповеданиям свободное распространение своих вероучений, но и “ничего не говорил о праве не принадлежать ни к какому исповеданию, праву, которое, очевидно, входит в последовательно проводимый принцип свобо-

ды совести”. “Как с ним несомненно принуждение, прямое или косвенное, к принятию какой-либо религии, – заключают кадеты, – так несомненно и принудительная религиозность вообще” [4, с. 8–10].

Основывался законопроект кадетов на партийной программе, принятой 12–18 октября 1905 г. Та в разделе “Основные права граждан” декларировала равенство российских граждан перед законом “без различия пола, вероисповедания и национальности” и объявляла, что каждому гражданину обеспечивается “свобода совести и вероисповедания”, не допускаются преследования за “верования и убеждения, за перемену или отказ от вероучения” [5, с. 41].

Тема свободы совести находила отражение и в программных документах многих других политических партий и движений России, в том числе действующих на территории белорусских губерний. Значительная часть программ была обнародована в связи с предстоящими выборами в 1906 г. в Государственную Думу.

Так, свободу вероисповеданий как часть “незыблемых основ гражданской свободы” рассматривал “Союз 17 октября” [2, с. 166–167]. “Равенство перед законом всех российских граждан, без различия пола, вероисповедания, рассы и национальности” провозглашала программа Демократического Союза Конституционалистов [2, с. 169–170]. Подобные или схожие по духу установки содержали программы Умеренно-Прогрессивной партии, Прогрессивно-экономической партии, Всероссийского торгово-промышленного союза, Партии Правового Порядка, Республиканской Либеральной Партии. Правомонархическую православно-консервативную позицию занимали, в частности, Отечественный союз и Русское собрание. По мнению Отечественного союза, “православная церковь должна и впредь оставаться господствующей в русском государстве, пользуясь не только надлежачей независимостью, но и особыми преимуществами и почитанием” [2, с. 173]. “За Веру, Царя и Отечество. Православной вере – господство, каждой вере – почитание”, – открывалась программа Русского собрания, согласно которой “Православная Церковь должна сохранить в России господствующее положение” [2, с. 174].

В наибольшей мере осознание значимости свободы совести, сопряжённое с намерением наиболее последовательного разрешения “церковного вопроса”, проявляли партии левой направленности. Так, положение об отделении церкви от государства и школы от церкви было включено в программы Белорусской Социалистической Громады и Радикальной партии [2, с. 164, 167]. За “полное отделение церкви от государства и объявление религии частным делом каждого” ратовала Партия Социалистов-Революционеров [2, с. 165]. Партия Свободо-

мыслящих отстаивала “идеи и стремления общечеловеческие” и полагала, что при их утверждении “не останется места... для произвола чиновничества и насилия над совестью со стороны духовенства”. Политическая программа партии в части “общегосударственного строя” предусматривала свободу совести “с отделением церкви от дел и исповеданий от государства”, в части “судебной реформы” – признание обязательным только гражданского брака при том, что “религиозное освящение брака должно быть предоставлено совести и доброй воле каждого”, в части “культурно-школьной программы” – “свободу школы от власти церкви” [2, с. 167–169].

Идеологию данного крыла политических сил разделяла и Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия (РСДРП). Ее программа, принятая еще в 1903 г., была ориентирована на замену самодержавия демократической республикой, конституция которой, в частности, обеспечивала бы “неограниченную свободу совести”, в том числе “уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности”, а также “отделение церкви от государства и школы от церкви”, конфискацию монастырских и церковных имуществ [2, с. 159].

Обоснование программных положений РСДРП было предпринято в статье В.И. Ленина “Социализм и религия” (1905 г.). По его убеждению, “религия должна быть объявлена частным делом”, а “государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии...”. “Никакие различия между гражданами в их правах в зависимости от религиозных верований совершенно не допустимы”, – писал он, а “полное отделение церкви от государства – вот то требование, которое предъявляет социалистический пролетариат к современному государству и современной церкви” [6, с. 142–147].

В результате Февральской революции 1917 г. к власти приходит Временное правительство. Руководствуясь духом буржуазного демократизма, оно предприняло попытку модернизировать законодательство России в области религии. Позиция нового кабинета была во многом обусловлена его персональным составом: Временное правительство было образовано из представителей главным образом либеральных партий Государственной думы. Государственно-конфессиональная деятельность Временного правительства объективно была ориентирована на создание внеконфессионального правового государства. Элементами церковной программы новой власти являлись, по воспоминаниям А. Карташова, а) свобода “ре-

лигиозной совести”, включая свободу пропаганды, для всех исповеданий; б) свобода соборного самоуправления для Православной церкви; в) упразднение государственной опеки над церковью и некоторых привилегий православия “в смысле его полицейской защиты от сторонней пропаганды” [7, с. 373]. 3 марта 1917 г. правительство декларировало амнистию по “религиозным делам” и отмену всех вероисповедных ограничений [2, с. 215–216] 6 марта в его обращении к населению было заявлено о возвращении из ссылки и “заточения” пострадавших от старой власти за свои религиозные убеждения [2, с. 216–217]. Последующее постановление “Об отмене вероисповедных и национальных ограничений” от 20 марта провозглашало социальное, экономическое и политическое равенство граждан независимо от вероисповедания. [2, с. 220] Коррективы были внесены в уголовно-административное законодательство. Были расширены права “инославного” и “иноверного” исповеданий в части богослужебной деятельности, создания религиозных учебных заведений и учреждения печатных изданий, строительства культовых зданий.

Постановление Временного правительства от 14 июля “О свободе совести” впервые в истории России законодательно закрепило свободу граждан на самоопределение в отношении религии, декларируя право граждан на вневероисповедное состояние. Оно определяло, что пользование гражданскими и политическими правами не зависит от принадлежности к вероисповеданию, и никто не может преследоваться или ограничиваться в каких бы то ни было правах за убеждения в делах веры. Допускался переход (для лиц, достигших четырнадцатилетнего возраста) в другое вероисповедание, а также признание себя не принадлежащим ни к какой вере. Ведение актов гражданского состояния для лиц, которые не принадлежат к какому-либо вероисповеданию, было поручено органам местного самоуправления [2, с. 221–222]. Статус православия как “господствующей” религии данным постановлением не изменялся, но на его основе Министерство просвещения отменило обязательное изучение в школе “Закона Божьего”.

Показательно, что реализация Постановления от 14 июля 1917 г. уже в скором времени обнажила реальную ситуацию в области религиозности населения. Одно из самых, на первый взгляд, парадоксальных следствий освобождения от обязательного исполнения обрядов и таинств церкви обнаружилось в воюющей российской армии. По отчетам армейского духовенства, процент солдат, которые были записаны православными и соблюдали таинство причащения, сократился со 100% в 1916 г. до менее 10% в 1917 г. [8, с. 295–296]. Изменялось и отношение к военным священникам, что нашло отражение в документах протопресвитера воен-

ного и морского духовенства Г. Шавельского. В письмах лета 1915 г. протопресвитер отмечал, что подведомственное ему духовенство работает “выше похвалы” и что престиж его находится на “небывалой высоте” [9, с. 88]. В воспоминаниях Шавельского о событиях мая 1917 г. дается сущностно иная оценка: при посещении на фронте одного из Сибирских стрелковых полков его речь солдаты встретили крайне враждебно. “Разъяренная толпа, – пишет он, – чуть не растерзала меня. Я спасся, только благодаря старослужащим солдатам...”. Командующий дивизии, где Шавельский должен был выступать на следующий день, прямо предупреждал протопресвитера: “Будьте осторожны в каждом слове, иначе я ни за что не ручаюсь!” [10, с. 277].

20 июля правительство объявило о передаче Министерству народного просвещения управления церковными школами, которые финансировались из государственного бюджета, что вызвало негативную реакцию со стороны Православной церкви. Предпринимались меры и по реорганизации церковного управления. 5 августа было создано Министерство исповеданий. Главной задачей этого министерства, которое возглавил видный историк церкви А.В. Карташов, стал надзор за соблюдением религиозно-законодательства. Правительство, таким образом, отказалось от практики непосредственного вмешательства во внутрицерковные дела. “Новое революционное правительство, не миропомазанное Церковью (т. е. уже не “Милостию Божиею”, а “волею народа”), – писал Карташев в статье “Временное правительство и русская церковь” (1933 г.), – не могло и не должно было оставаться в прежних конфессионально тесных отношениях к Православной Церкви. Оно обязано было мыслить себя как власть только светскую, принципиально вневероисповедную” [7, с. 369–388].

Что же касается самой Российской православной церкви, то она в результате мартовского отречения от престола Николая II, а затем и Михаила Романова, оказалась в новом для себя церковно-политическом положении, и в известной мере была дезориентирована. Еще недавно заявлявшая, что власть царская есть “Богом утвержденная”, Церковь уже в Послании Синода от 9 марта 1917 г. заявила, что “свершилась воля Божья” и призвала всероссийскую паству “довериться” Временному правительству [2, с. 219]. Правовой статус Православной церкви в новых политических условиях демократической России стал предметом рассмотрения Поместного собора, открывшегося 15 августа 1917 г. Его наиболее значимым решением стало восстановление патриаршества, первым Патриархом Московским постсинодального периода был избран Тихон.

Заклучение

Проблема свободы совести существенно актуализируется в общественно-политической мысли в Российской империи в начале XX в., на законодательном уровне предпринимаются попытки либерализации конфессиональной политики. Реформа вероисповедного законодательства России являлась предметом обсуждения в Государственной думе, разработанный партией кадетов законопроект “О свободе совести” впервые предусматривал не только равенство вероисповеданий, но и допускал право граждан на вневероисповедное состояние, что стало исторически первой попыткой добиться легитимным законотворческим путем полноценного правового обеспечения свободы совести в Российской империи. Тема свободы совести нашла отражение в политических программах партий и движений России, наибольшим радикализмом в конфессиональном вопросе и законодательном закреплении принципа свободы совести отличались программные документы партий левой направленности. Попытка модернизации законодательства в области религии в духе буржуазного демократизма была предпринята Временным правительством и объективно ориентировалась на создание внеконфессионального правового государства. В условиях обострения революционного кризиса осенью 1917 г. и потери Временным правительством доверия в обществе инициированные им вероисповедные свободы не смогли получить широкой конкретной реализации. На практике не было реализовано правовое равенство религий. Законодательного и реального воплощения не получили многие демократические требования, прежде всего отделения церкви от государства и национализации церковно-монастырской собственности. Эти идеи активно использовала в своей пропагандистской работе партия большевиков, к которой в октябре (ноябре) 1917 г. перешла инициатива в разрешении религиозного вопроса. Радикальные установки РСДРП и, объективно, ряда других левых партий нашли отражение в новом законодательстве Советской России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Победоносцев, К. П.* Государство и Церковь / К.П. Победоносцев ; сост., предисл., коммент. О. А. Суржик ; отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2011. – Т. II. – 624 с.
2. История религии и свободы совести в Беларуси в документах и материалах : пособие : в 4 ч. – Ч. 3 : Со второй половины XVIII в. до октября 1917 г. / авт.-сост.: В. В. Старостенко, Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2015. – 260 с.

3. **Старостенко, В. В.** Идея свободы совести в деятельности Конституционно-демократической партии России 1905–1906 гг. / В. В. Старостенко // Религия и общество – 10 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – С. 79–82.
4. Законодательные проекты и предположения Партии Народной свободы 1905–1907 гг. / под ред. Н. И. Астрова [и др.]. – СПб. : Типография товарищества “Общественная польза”, 1907. – XIX, 386 с.
5. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905–1918 гг.) : хрестоматия : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Д. С. Лавринович. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 344 с.
6. **Ленин, В. И.** Полное Собрание Сочинений. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 12. – 576 с.
7. **Карташов, А.** Временное правительство и русская церковь / А. Карташов // Современные записки. – 1933. – № 52. – С. 369–388.
8. **Федоров, В. А.** Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700–1917) / В. А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 479 с.
9. **Старостенко, Э. В.** Изучение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны на основе источников личного происхождения / Э. В. Старостенко // Веснік Марілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя А, Гуманітарныя навукі: гісторыя, філасофія, філалогія. – 2016. – № 1. – С. 86–90.
10. **Шавельский, Г.** Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота : в 2 т. / Г. Шавельский. – Нью-Йорк, 1954. – Т. 2. – 412 с.

Поступила в редакцию 11.01.2017 г.
 Контакты: vstarostenko@mail.ru
 (Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V.V. THE PROBLEM OF FREEDOM OF CONSCIENCE IN LAW AND POLITICAL THOUGHT IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY XX CENTURY.

The article investigates the problem of freedom of conscience in the context of the modernization of the religious laws of the Russian Empire in the beginning of the XX century, as reflected in the jurisprudence and political thought. Particular attention is drawn to a bill developed by the Cadet Party 1906 “On freedom of conscience”, which for the first time includes not only the equality of religions, but also admitted the right of citizens to vneveroisповедное state. Results reflected the theme of freedom of conscience in the political programs of the parties and movements of Russia. The attempt of the Provisional Government to modernize legislation in the field of religion in the spirit of bourgeois democracy is seen as an objective focused on the establishment of non-denominational rule of law.

Keywords: freedom of conscience, religion, religious law, confession, confessional politics, political parties, the Orthodox Church, the religious question, the Russian Empire.